

Анархизм и экология

Вудкок Джордж

1974

С выдающимся, даже пророческим озарением многие анархисты XIX века и их последователи предсказывали, что серьёзные социальные и экологические проблемы, с которыми мы сейчас сталкиваемся, являются неизбежными последствиями индустриализации и развития. Тем самым эти анархисты были предшественниками тех современных природозащитников, которые сегодня осознают, что разрушение и расхищение окружающей среды скорее связано с патологически порочной социальной системой, нежели с неадекватными мерами охраны или контроля над загрязнениями. Большинство анархистов считало, что человек должен жить в тесной гармонии с другими живыми существами и с окружающим миром. С некоторым основанием можно сказать, что анархисты были первыми настоящими экологами. В 1899 году русский анархист Пётр Кропоткин, находясь в вынужденной эмиграции в Лондоне, издал свой труд «Поля, фабрики и мастерские», книгу, которая должна стать, если уже не стала, одним из канонических текстов экологического движения. В этой работе Кропоткин рассматривает многие проблемы, занимающие экологов в наше время. Его волновала концентрация населения и промышленности в крупных, нездоровых агломерациях; его волновала расточительность промышленных и аграрных производств того времени, и он рассчитал, что используя действенные меры сохранения плодородности почв, Англия могла бы стать самодостаточной в сельскохозяйственном отношении; он верил в интеграцию работы и образования, так чтобы обучение в процессе производства могло дать академическим знаниям базу для общественной деятельности; он также верил в интеграцию сельского хозяйства и промышленности, чтобы мелкие производители были бы рассредоточены по всей стране и ни один рабочий не чувствовал бы себя изолированным от сельской жизни и от ещё сохраняющихся остатков нетронутой природы. Патрик Геддес, Льюис Мамфорд и другие известные предшественники современного движения в защиту окружающей среды признавали, что Кропоткин существенно повлиял на них, а предложения Мамфорда по широкомасштабной децентрализации, высказанные им в книге «Техника и цивилизация», представляли собой нечто всего лишь чуть большее, чем идеи Кропоткина плюс электрификация.

Если «Оксфордский словарь английского языка» не вводит меня в заблуждение, то экология впервые была признана в качестве направления научной теории в 1870-е

годы, в то десятилетие, когда Кропоткин стал анархистом и разработал свои теории анархического коммунизма (наиболее полно изложенные в его книге 1906 года «Хлеб и воля»). Эти теории в основном опирались на пересмотр течения за политическую и экономическую централизацию, которое начало усиливаться ещё с эпохи Возрождения; они подчёркивали, что в своих подсчётах общественных нужд мы должны начинать не с вершин — государства или промышленной корпорации, — а с того уровня, на котором люди напрямую общаются в процессе личных и рабочих взаимоотношений, уровня, на котором наиболее реально можно обсуждать и самым прямым образом определять человеческие нужды. По сути, разрабатывая анархический коммунизм, Кропоткин лишь развивал те тенденции, которые уже были заметны в анархизме с тех пор, как Уильям Годвин написал в 1790-е годы «Политическую справедливость» — первое значительное изложение этой доктрины. Годвин называл местные ячейки приходами; Прудон и Бакунин были больше заинтересованы в самоуправляющихся мастерских и коммунах; все они подчёркивали необходимость основывать организацию общества на природных законах; и Кропоткин усилил эту концепцию в своей книге «Взаимная помощь как фактор эволюции» (вышедшую в 1902 году после того, как её материалы появились в виде серии статей в журнале “The Nineteenth Century”). Там он связал социальные обязательства, которые считал свойственными людям при отсутствии институтов принуждения, с общественными инстинктами, широко распространёнными, по его мнению, у животных. Кропоткин написал «Взаимную помощь» как реакцию на модный в то время неодарвинистский подход, изображавший природу, по неудачному выражению Теннисона, «с окровавленными зубами и когтями», и рассматривавший борьбу за существование как непременно борьбу конкретных особей и видов. Будучи полевым географом с большим опытом исследований в Восточной Азии, Кропоткин обнаружил, что и некоторые полевые натуралисты вместе с ним осуждают такой взгляд на эволюцию как на неизбежную конкуренцию, и именно с одобрения Генри Уолтера Бейтса, автора классического труда «Натуралист на реке Амазонке» и близкого товарища Дарвина, он выдвинул аргумент о том, что борьба за существование была в действительности больше борьбой против неблагоприятных обстоятельств, нежели борьбой внутри видов, и что одной из наиболее действенных сил в эволюции и поддержании баланса в мире природы было на самом деле взаимодействие. Поскольку Кропоткин уделял основное внимание тому, что происходит внутри видов, он не сделал четкого описания сложной схемы взаимных зависимостей, которые замечает современный эколог, когда рассматривает взаимоотношения в природном мире, однако существование такой модели, безусловно, подразумевалось, особенно если учитывать, как сильно Кропоткин стремился доказать, что закон взаимной помощи является универсальным в своём приложении, помещая человека наряду со всеми животными в одном и том же природном континууме и основывая его собственное развитие как общественного существа на том же принципе, на каком обеспечивалось выживание и других видов — от насекомых, до высших млекопитающих.

Таким образом, поскольку классические анархисты сознавали, в какой степени здоровая в биологических терминах жизнь зависит от взаимопомощи на каждом своём уровне, и ясно видели аналогии между животным миром и человеческим

обществом, практически нет сомнений, что они — как и их последователи сегодня — прониклись бы заботами современных экологов. Особым вкладом Кропоткина — наряду с его теоретическим вкладом во «Взаимной помощи» — было установление связи анархизма (посредством конкретных предложений промышленных и аграрных реформ, высказанных в работах, подобных книге «Поля, фабрики и мастерские») с движением за сохранение окружающей среды в интересах более полноценного существования, движения, достигшего зрелости только в последние десятилетия под давлением возрастающего экологического дисбаланса и резко сократившихся запасов топлива и сырьевых материалов.

Анархизм, существовавший уже более ста лет как отдельное отчётливо идентифицируемое политическое движение и в своей теоретической форме начавшийся с публикации «Политической справедливости» Годвина в конце XVIII века, на протяжении своей истории принимал множество форм, поскольку, в отличие от марксизма, он так никогда не и разработал формальной ортодоксальной доктрины или жёсткой организационной структуры, так как и то, и другое противоречило бы его акцентированию спонтанности как проявления свободы. Некоторые из форм, которые принимал анархизм, приводили к сенсационной публичности и вызывали крайнюю враждебность; бывали периоды, когда, к примеру, фанатики-анархисты — подобно фантикам из других движений — прибегали к покушениям на правителей и другим террористическим актам. Но такие крайние анархисты всегда представляли незначительное меньшинство, а кроме них были и другие, кто, подобно Толстому, верил, что анархистское отрицание принуждения автоматически означает отказ от насилия; Ганди причислял себя к анархистам такого типа.

Пожалуй, более существенными были различия во взглядах анархистов на то, как общество должно быть организовано политически и экономически и как должен быть осуществлён переход от несвободного общества. Ключевой для всех анархистских доктрин была убеждённость в том, что если даже человек не был по своей природе добр, он, по крайней мере, был от природы социален, а власть принуждения разрушила этот естественный общественный инстинкт. Все анархисты также соглашались, что громоздкие централизованные организации всех видов несут в себе опасность принуждения, и поэтому неизменно увязывали принцип добровольности с общественной, экономической и политической децентрализацией. Организация, утверждали они, должна начинаться с низового уровня, так, чтобы люди в небольших группах и отдельных локальных районах могли контролировать всё, что имеет к ним непосредственное отношение и не касается никого другого. При расширении диапазона интересов анархисты предпочитали не координацию, навязанную сверху некоей удалённой главенствующей властью, но применение того, что они называли «принципом федерации». Под этим они подразумевали, что общие дела города рассматриваются федерацией улиц и участков, направляющей делегатов на городские собрания, причём инициативы исходят с мест, а само такое общество строится на федеративных принципах снизу доверху — от города к району, от района к региону, и так далее, при этом полномочия принимать решения всегда восходят вверх от низового уровня, но не спускаются вниз некоей центральной властью. Очевидна важность этих взглядов на организацию общества с точки зрения задач экологов, так как потенциальная опасность экологического бедствия всегда раньше

всего признаётся именно на местном уровне. Действительно, централизованные органы управления в сравнении с децентрализованными более склонны игнорировать признаки наступления экологической катастрофы, прикрываясь интересами так называемого национального благосостояния или даже открыто признавая интересы корпораций.

Параллельно с постоянным анархистским упором на децентрализацию можно выделить и другой аспект (его вряд ли можно классифицировать как теорию), сближающий анархистов с современными экологами. Это склонность к упрощению, а не к всё более нарастающему усложнению образа жизни.

Теоретически ранние анархисты действительно были склонны разделять с социалистами XIX века убеждение, согласно которому при должном управлении всеми мировыми ресурсами не было бы пределов физическому изобилию, которым люди могли бы с радостью пользоваться; именно это допущение со стороны Годвина позволило Мальтусу выдвинуть свои знаменитые аргументы о пределах природных ресурсов и их вероятном воздействии на прогресс и народонаселение. Поскольку мир в XIX веке всё ещё был — по нашим меркам — весьма мало населён, а также поскольку увеличение доступных ресурсов на протяжении века всегда превосходило возможности потребления при тогдашнем уровне технологического развития, предупреждения Мальтуса оставались без внимания анархистов, как и большинства других людей, вплоть до 1960-х годов.

Однако в случае анархистов существовал и компенсирующий фактор. По своему темпераменту они всегда отдавали предпочтение скромному и даже аскетичному образу жизни. Причиной тому был ряд представлений. В самом анархистском подходе было некое безусловное изначальное пуританство; анархисты были склонны рассматривать богачей и как жертв, достойных жалости, и как негодяев, достойных осуждения, такой дуализм восприятия был не столь редок среди религиозных фундаменталистов, для которых анархисты всегда были ближайшим светским аналогом. В то же самое время, анархисты не только чувствовали, что жизнь человека должна быть как можно более спонтанной и естественной (а значит, и незатруднённой материальными привязанностями), но также полагали, что стремление к богатству приводило к бедствиям экономической централизации, а значит, и к политической власти. В силу этих разнообразных причин такие анархистские мыслители, столь далеко отстоящие друг от друга во времени, как Пьер-Жозеф Прудон в середине XIX века и Пол Гудман в середине XX, были сторонниками того, что Гудман называл «достойной бедностью» — упрощение жизни, которое приведёт к упрощению организации общества и экономики. Анархисты и тесно связанные с ними либертарные социалисты, такие как Лев Толстой и Уильям Моррис, были глубоко озабочены дегуманизирующим эффектом машинных технологий, и хотя ни Толстой, ни Моррис не отвергали полностью использование машин там, где существовала необходимость ликвидации некоторых унижительных форм чёрной работы, и они сами, и их последователи стремились к такому будущему, в котором возродились бы ручные ремёсла и прекратилось бы вызванное промышленной революцией разрушение человека и окружающей среды.

В Индии, где предмеханизированное деревенское общество не только выжило в период британского правления, но и охватывало значительное большинство на-

селения, Ганди — на которого во многом повлияли такие западные анархисты, как Толстой, Кропоткин и Торо, — планировал создать основанное на сельских поселениях общество с экономикой, опирающейся на ремёсла и простой, аскетичный образ жизни. Это не было всего лишь азиатской адаптацией анархизма; в Испании в первые месяцы Гражданской войны в 1936 году жители множества деревень в Андалусии, где у анархистов были последователи среди сельскохозяйственных рабочих, изгоняли своих землевладельцев, обобществляли землю и затем принимались строить самодостаточные локальные экономики, в рамках которых они стремились упростить свои нужды ради автономии деревни. Но, как отмечали наблюдатели, их цели определялись как политико-экономическими соображениями, так и в не меньшей степени моралью; они приветствовали недоступность предметов роскоши, таких как алкоголь или даже кофе, с представлением, что теперь их жизни оказались не просто освобождены, но и очищены.

Важным аспектом этой тенденции является не латентное пуританство, обнаруживаемое под анархическим темпераментом, но, скорее, тот факт, что единственные среди всех левых партий, анархисты — в отличие от либералов, социалистов, коммунистов и различных националистических движений — не были приверженцами постоянного материального прогресса и философии экономики роста. Они были склонны полагать, что хорошая жизнь, свободная жизнь не просто возможна, но и более достижима и надёжна при большей избирательности в подходе к технологическому развитию, в подходе, который не воспринимает богатство как необходимое благо. Они даже были готовы согласиться с тем, что в традиционных либеральных или социалистических понятиях рассматривалось бы как регресс, при условии, что это принесёт выгоды не столь материального характера. И стоит заметить, что такая тенденция встречалась у анархистов наряду с отрицанием или игнорированием ими аргументов Мальтуса, касающихся взаимосвязей между демографическим давлением и ограниченностью природных ресурсов.

Нельзя сказать, чтобы анархизм как историческое движение совсем не смог доказать ценность своих концепций децентрализованного либертарного общества. В широком смысле у него никогда и не было реальной возможности это сделать. Из-за своего недоверия к чрезмерной организованности анархисты медленно адаптировались к господствующим направлениям в экономике XIX века. Прудон стремился как можно дольше сохранять общество независимых крестьян и ремесленников, чьи земли и мастерские гарантировались бы им в качестве пожизненных «владений», а их продукция обменивалась бы посредством системы трудовых квитанций. Лишь с неохотой он соглашался с тем, что развитие системы заводов и железных дорог требовало появления ассоциаций рабочих для коммуникации и управления крупными производственными объектами. Даже когда позднейшие теоретики, такие как Бакунин и Кропоткин, разработали анархистские схемы коллективной собственности на средства производства и распределения (на основе классического лозунга «От каждого по его способностям, каждому по его потребностям»), индивидуализм и регионализм анархистов отражался как в их взглядах на политическую организацию (они очень крепко держались за идею «коммуны», соответствовавшей деревне или городскому кварталу, суверенной в экономических и политических вопросах), так и в их идее революционной тактики, основанной на методе индивидуального действия

боевиков (так называемая «пропаганда действием»), — тактики, которая, как они надеялись, своим примером сможет побудить народ начать спонтанное восстание, разрушить пагубную и угнетательскую структуру государства и на её месте создать естественные ячейки свободного кооперативного общества.

Это, в сущности, романтический взгляд, и хотя анархисты были достаточно сильны, чтобы бросить вызов марксистам в Первом интернационале в 1870-е годы и привлечь множество сторонников в латинских и славянских землях, они не смогли создать стабильные массовые движения в основном из-за того, что регионализм пронизывал даже организацию их движения. После раскола Первого интернационала на анархистскую и марксистскую фракции, вскоре исчезнувшие, не было создано никакой устойчивой международной анархистской организации, хотя было множество контактов среди анархистов по всему миру, поддерживавшихся поездками таких вечных изгнанников — знаменитостей движения, как Пётр Кропоткин, Эррико Малатеста и Эмма Гольдман. Даже на национальном уровне лишь в нескольких странах, таких как Испания и Италия, федерации анархистов действительно демонстрировали хотя бы относительную живучесть.

Вместо подготовки к апокалиптической революции анархисты того времени были куда больше заняты попытками создать в уже имеющемся обществе инфраструктуру лучшего и более свободного общества.

Неоднократные неудачи анархистских восстаний в Испании и Италии в 1870-е и 1880-е годы и враждебное отношение общества, вызванное последовавшей волной индивидуального террора, к началу 1890-х годов низвели анархистское движение до кучки убеждённых боевиков и символистских писателей и художников; в самом деле, оно выглядело лишь одной из многочисленных форм эксцентрической фантазии, в которой проявляло себя болезненное настроение *fin-desiecle*. (Хотя даже тогда находились анархисты, разрабатывавшие в прогрессивных школах, сельских обществах и различных областях художественного экспериментирования более конструктивные проявления анархистского подхода.)

Но в действительности именно в это время анархизм стоял накануне одного из своих великих возрождений, отмеченных в его истории. В конце 1880-х годов атмосфера реакции, последовавшая во Франции за поражением Парижской Коммуны 1870–1871 годов (в которой активную роль принимали многие ранние анархисты, включая и художника Гюстава Курбе), несколько смягчилась, и было позволено функционировать не только левым политическим партиям, но и профсоюзам. Поскольку анархисты рассматривали делегирование ответственности путём голосования за представителей в парламенте как нарушение свободы, они не были особо заинтересованы в участии или в организации политических партий, ставивших своей целью приход к власти посредством выборов или даже *переворотов*. Для них — и история, как кажется, доказала их правоту — власть была одинаково разлагающей как в руках левых радикалов, так и в руках правых реакционеров; анархисты же стремились к уничтожению, а не к апроприации государства. Однако совсем другим делом были профсоюзы — или *синдикаты* — поскольку они сохраняли прямую связь с изначальными трудовыми процессами. Анархисты из рабочего класса в большом числе становились членами *синдикатов*, занимали там ключевые должности и на

основе своего опыта разработали единственную форму анархизма, привлёкшую сравнительно стабильную массовую поддержку.

Это был анархо-синдикализм, или революционный синдикализм. Основополагающая теория анархо-синдикализма заключалась в том, что профсоюз, если он остаётся в руках рабочих и никогда не обзаводится бюрократией постоянных собственных чиновников, становится идеальным инструментом для достижения свободного общества, так как настоящим сердцем любого государства является промышленность, а значит, возможность отказываться от труда позволит рабочим останавливать работу этого сердца. Стоит только им объявить всеобщую забастовку — «забастовку скрещённых рук», как её называли французские активисты, — чтобы государство оказалось парализовано, а затем рабочим будет несложно при помощи *синдикатов* завладеть своими заводами и предоставить их продукцию в распоряжение общества.

Теоретики синдикализма, такие как Жорж Сорель, автор книги «Размышления о насилии», рассматривали всеобщую забастовку как необходимый миф для поддержания боевого духа рабочих, и значит, и жизнестойкости общества в целом. Но воинственно настроенные анархисты внутри синдикатов восприняли эту идею буквально, так же как и те из анархистов (в особенности Малатеста), кто оставался приверженцем анархо-коммунистических доктрин спонтанного и локального действия и опасался, что господство синдикатов в движении может привести к созданию монолитных лоббирующих группировок, которые будут доминировать над обществом если не политически, то экономически.

Тем не менее именно путём создания анархо-синдикалистских союзов в начале XX века, в особенности во Франции, Испании, Италии и странах Латинской Америки, анархизм стал могучим массовым движением и снова оказался соперником марксизма. Вплоть до периода после Первой мировой войны мощное профсоюзное движение Франции CGT находилось под влиянием анархистов, так же как и CNT в Испании, гордившееся своими двумя миллионами членов и бывшее самой крупной организацией из всех, признававших себя анархистскими, до триумфа Франко в 1939 году. В Испании не только анархо-синдикалисты были многочисленнее, чем где-либо ещё; именно там они смогли доказать в ходе первых стадий Гражданской войны 1936–1939 годов, что анархистские теории прямого рабочего контроля над промышленностью могут в самом деле работать на практике, ведь заводы и транспортная система Барселоны, так же как и многие сельскохозяйственные предприятия в Андалусии и Валенсии, были взяты под контроль рабочими под предводительством анархистских активистов и — как отмечали непредвзятые свидетели со стороны — управлялись на удивление хорошо.

Однако эти первые месяцы Гражданской войны в Испании были лебединой песней исторического анархизма. Существовавшие значительные движения в Италии и России были разгромлены, соответственно, фашистами и большевиками, причём последнее только после выдающегося сопротивления анархистских повстанцев на Украине под предводительством Нестора Махно. Триумф марксистов в ходе Октябрьской революции в России в 1917 году и основание Коминтерна повсюду в мире ослабили анархизм, в особенности во Франции, где коммунисты взяли под свой контроль CGT и до сих пор им руководят. В Испании, даже ещё до того, как закончилась Гражданская война, позиции анархистов были подорваны их соратниками

коммунистами, и дух CNT был настолько ослаблен, что войска Франко вошли в Барселону, некогда Мекку анархизма, не встретив сопротивления. В 1939 году анархизм превратился в призрак некогда великого движения, поддерживавшийся немногими беженцами в Мексике, Швеции и англоязычных странах, а также, что удивительно, английскими и американскими поэтами и художниками.

Когда в 1962 году я издал свою книгу «Анархизм», *движение*, кажется, достигло самой нижней своей точки. Но даже тогда я обращал внимание на экстраординарную устойчивость анархистской *идеи*, которая, в силу самого отсутствия у неё всего, что может напоминать монолитную партию или ортодоксию доктрины, способна возрождаться в различных формах в разные периоды истории. Такое уже происходило в форме рационального диссидентского христианства Уинстенли в XVII веке, в форме образа жизни, которого необходимо достичь путём разумных размышлений, согласно позиции Годвина, в форме учения о спасении для крестьян и ремесленников в мутуализме Прудона, в форме романтической революционности Бакунина, Малатесты и свободного децентрализованного коммунизма учёного Кропоткина, в форме пацифистского коммунитаризма Толстого и Ганди; и в форме практических организаций рабочего контроля синдикалистов. Каждая из этих форм по-своему и в своё время поспособствовала развитию традиции. И вот, в первом издании (1962) «Анархизма» я отмечаю, что хотя то историческое движение, которое основал Бакунин и которое достигло своего пика в Испании, теперь, вне сомнений, мертво, идея анархии всё ещё вполне жива и ещё может проявиться в новых формах.

И как я написал в постскриптуме к изданию «Анархизма» 1974 года (издательство “Penguin”), это в действительности так и произошло. На протяжении 1940-х и 1950-х годов анархизм в основном оставался на плаву за счёт усилий либертарных авторов, в особенности Алекса Комфорта и Герберта Рида в Англии, в чьей книге «Образование посредством искусства» была разработана теория анархистской формы образования посредством культивирования восприимчивости. В 1960-е годы в результате кампании за ядерное разоружение и деятельности Комитета 100 в Англии, а также кампаний за гражданские права в США, анархистские идеи начали распространяться вновь. Появился обновлённый анархизм, привлекающий молодёжь своим настойчивым вниманием к таким идеям, как демократия участия, рабочий контроль и децентрализация, и все эти идеи бьют по монолитному истеблишменту, в котором новое поколение радикалов видело своего главного врага.

Произошедшее в корне отличается от событий прошлого, и, конечно же, это соответствует переменчивости анархистской традиции. То массовое движение, возглавляемое Бакуниным, бросившим вызов Марксу в Первом интернационале, и достигшее своего апогея в испанском CNT, не появилось вновь. Произошло же широкое распространение анархистских идей, в основном через публикации новых исследований и историй анархизма и переиздания старых, давно опубликованных текстов, — распространение, повлиявшее на «новых левых», на студенческое движение, на экологическое движение и на другие близкие течения того времени. За исключением нескольких убеждённых радикалов, анархисты больше не склонны трактовать будущее в образах пламенного восстания, которое уничтожит государство и все институты власти и немедленно возвестит о создании свободного общества. Теперь это в основном рассматривается как миф движения, как точка на горизонте, указыва-

ющая направление для текущих действий. Вместо подготовки к апокалиптической революции современные анархисты куда более склонны заниматься попытками создания в имеющемся уже сейчас обществе инфраструктуры более совершенного и свободного общества. В экспериментальных коммунах, в свободных школах, в движениях непривилегированных за контроль над своими судьбами, в локальных инициативах, противостоящих властям и призывающих к децентрализации, в борьбе за увеличение контроля рабочих и профсоюзную демократию, а также часто в активной поддержке экологических движений как одного из путей противостояния угрозам человеку и его среде со стороны корпораций, — занимаясь этим, они, пожалуй, более уверенно движутся к настоящей трансформации общества, чем их предшественники, которые, сделав свои ожидания чрезмерными и доведя требования до абсолюта, предопределили своё собственное поражение. Быть может, мы так никогда и не увидим то свободное общество, о котором мечтали анархисты, но если мы действительно сделаем мир более здоровым, более чистым и более свободным по сравнению с тем, в котором живём сейчас, то в этом будет вклад и анархистской идеи, и в значительной мере это произойдёт посредством развития тех теорий о децентрализованном и органически интегрированном обществе, которые Кропоткин наиболее полно изложил в книге «Поля, заводы и мастерские», книге, которую Толстой, Ганди и Мамфорд читали как основополагающий труд.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Вудкок Джордж
Анархизм и экология
1974

Пер. с англ. В. Садовского по: Woodcock G. *Anarchism and Ecology* // Woodcock G. *Anarchism and Anarchists: Essays by George Woodcock* / Ed. D. Fetherling. Kingston, Ontario, Canada: Quarry Press, 1992

ru.anarchistlibraries.net